

РЕЛИГИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ДОКТРИНЕ В ПЕРИОД ЮЖНОЙ СУН

Аннотация. В данной статье рассматривается роль религии во внешнеполитической доктрине Китая и ее изменения в эпоху Южной Сун. В этот период происходили серьезные изменения в жизни общества, так как в течении всего правления Южной Сун приходилось бороться с иноземными захватчиками, оберегая свою власть в Южном Китае. У китайцев всегда существовала традиционная внешнеполитическая доктрина, основывавшаяся на принципах конфуцианства. В эпоху Южной Сун мироустроительная доктрина приобретает несколько другой смысл, и появляются новые дипломатические практики.

Ключевые слова: Южная Сун, мироустроительная доктрина, внешнеполитическая доктрина, конфуцианство, внешняя политика Южной Сун, дипломатия Южной Сун.

Религия в Китае всегда имела важную роль в обществе, переплетая философию, историю, культуру и традиций. Китай всегда следовал своей религии и своим традициям, которые занимали большое значение в формировании внутренней и внешней политики. Более того религия помогала формировать дух нации, преданность и почитание. Не зря китайское общество считается сильным, ведь оно смогло устоять перед иноземными захватчиками, не потеряв своей самобытности. Можно сказать, что религия формировала политику китайских властей. Изучение религии в Китае в тот или иной период поможет понять то, какими принципами пользовались китайские власти в определении своей политики.

Методологической основой исследования является принцип историзма. При написании работы был использован такой источник, как «За хребтами. Вместо ответов» Чжоу Цюй-фэя, где дается описание южных земель сунского Китая и иноземных стран. Чжоу Цюй-фэй начинал с должности смотрителя местных учебных заведений в приграничной с Дайвьетом провинции Цинь, а в третьей четверти XII в. служил в высшей администрации Юга, поэтому им изложены и те данные, которыми располагала администрация.

В таком источнике, как «Сун ши», собрана вся история сунской династии. По жанру «Сун ши» является династийной историей, чжэнши. К созданию «Сун ши» приступили по указу Хубилай-хана (1260–1294 гг.), основателя династии Юань, завершили (1345 г.) 30 ученых под надзором Тогдо (1314–1355 гг.). «Сун ши» состоит из 496 цзюаней, трех разделов: «Бэнь цзи» (основные записи) (цз. 1–47), «Чжи» (трактаты, сочинения об административно-территориальном устройстве и естественно-географических условиях страны, ритуально-церемониальные трактаты) (цз. 48–209), «Ле чжуань» (жизнеописание более двух тысяч человек) (цз. 242–496) дополнены четвертым – «Таблицы» («Бяо» цз. 210–241).

В эпоху Южной Сун императоры должны были править в сложных условиях, когда они были окружены захватчиками, и на начальном этапе просто боролись за выживание. Поэтому произошли некоторые изменения в доктрине мироустройства.

Для имперского Китая мир представлял собой единое иерархическое целое с универсальным королевским владычеством императора, символизируемым через ритуалы системы дани, где, по мнению китайцев, менее цивилизованные нации посещали вершину цивилизации при дворе императора, чтобы объявить о своем подчинении, отдать дань и получить императорские благословения и дары взамен [7, с. 247].

Спроектированные на систему взаимоотношений Китая с внешним миром патерналистские принципы конфуцианства обусловили построение всех международных связей империи по вертикали – от высшего к низшему. Считалось, что «С тех пор как существуют Небо и Земля, существует разделение на владельцев и подданных, на высших и низших. Поэтому есть определенный порядок в отношениях Китая с иностранцами всех четырех сторон света. Издавна было так» [3, с. 131]. Внешнеполитическая доктрина Китая базировалась на представлении о «мире-космосе», как иерархической системе с двумя уровнями [4, с. 12]. На верхнем уровне было расположено пространство «мира-космоса», а на нижнем уровне этой системы лежали «мир-социум». Главным являлось Небо, а его представителем на земле был император – Сын Неба. В центре Поднебесной (Тянься) находилось Срединное государство (Чжунго), то есть сам Китай. Вокруг этого «центра» лежали «четыре стороны света», населенные «варварами четырех сторон света». Находясь в центре этой сложной системы, император в качестве Сына Неба являлся единственным посредником между Небом и людьми. От неба до земли нисходила «всеблагая сила дэ», которая гармонизировала все окружающее, упорядочивала природные процессы и людское население. В наземном мире «всеблагая сила дэ» распространялась через правителя Срединного государства, народ подчинялся «силе дэ государя», и в империи воцарялся порядок. Считалось, что в будущем постоянное накопление «дэ» должно привести к возвращению утраченных земель [5, с. 106].

«Великая сила дэ» также изливалась и на соседние страны и земли, то есть она достигала другие народы «варваров», воздействовала и подчиняла их своему влиянию. Варвары обязаны были признавать «великое дэ» китайского императора, «покоряться и преобразовываться», им надлежало устремляться в столицу Поднебесной империи с «данью» (гун) ко двору Сына Неба. Согласно внешнеполитической доктрине Китая существовало лишь одно великое божество – безличное Небо, которое олицетворяло все законы космоса и

земной природы, а Сын Неба воплощал эти законы, именно поэтому рядом с Китаем и его императором не могло быть равноценных государств и монархов [4, с. 15].

Со стратегическими задачами китайской традиционной дипломатии органично связывались методы ее тактической реализации, основанные на разработанном в V–III вв. до н.э. базовом принципе: «Дружить с дальними варварами против близких». Он предусматривал, что традиционный Китай всегда должен вступать в союзнические отношения только с теми народами и государствами из числа «временно мятежных варваров», с которым Китай не имел непосредственных границ, чтобы использовать их военно-политическую помощь для разгрома и порабощения соседних «варварских» народов, с которыми граничил собственно Китай.

Однако, когда после совместной с удаленным варваром-союзником победой над очередными соседями – варварами последние включались в политическую структуру Великоханской империи, и союзник в результате территориальной экспансии Китая становился непосредственным соседом, союз с ним автоматически терял ценность для Китая, а сам он попадал в категорию «враждебных близких варваров», в борьбе с которыми Китай искал следующих союзников из числа отдаленных государств. Таким образом осуществлялся еще один базовый принцип внешнеполитической стратегии традиционного Китая: «Господствовать над варварами, используя самих варваров» [6, с. 135].

На этом основании китайские императоры в течение более чем двадцати веков безапелляционно присваивали себе право верховной власти над миром. Распространение имперского влияния на окружающий мир виделось как радиальное излучение или расхождение кругов по воде, оно касалось сначала ближайших соседних, затем более дальних стран с одинаковой неизбежностью.

Традиционная китайская дипломатия считала неприемлемым применять в контактах с варварами принцип равноправия, строя такие отношения исключительно в форме подданических отношений варваров с китайским императором, поэтому все дары, с которыми приезжали в Китай иностранные послы или купцы суверенных государств, официально объявлялись данью и свидетельством изъявления покорности со стороны варваров.

Однако в период Южной Сун внешнеполитическая доктрина меняется. Столкнувшись с независимыми, консолидированными государствами к северу от границы, Империя Сун была вынуждена пойти на компромисс с идеологическими требованиями даннической системы и влиять на ситуацию с помощью другого режима внешней политики [7, с. 251].

По мнению С. Н. Гончарова, в период Сун «начался качественно новый этап в отношениях Китая с соседями, когда выработанным ранее представлениям о «варварах» предстояло выдержать «экзамен на прочность» в ситуациях, до этого еще не испытанных Китаем» [4, с. 18–19].

Во время эпохи Сун меняется традиционная практика, в соответствии с которой все иностранные государства и племена должны были придерживаться своего статуса носителей дани при дворе Сун. Так, в «Сун ши» Япония впервые упоминается в качестве «го», а не в качестве «восточного варвара» (дунъи) [2].

Корейское государство Корё наряду с Цзинь и Си Ся относились к классу государств, отличающихся от остальных в дипломатической практике Сун, они образовывали «особую категорию Сун». Это были партнеры Сун по международным отношениям, с формализованными дипломатическими каналами и регулярными посольствами, направляемыми в определенных конкретных случаях в соответствии с псевдосемейными отношениями [7, с. 257].

Однако Чжоу Цюй-фэй отмечает, что варвары юго-западных стран прибывают с подношениями [1, с. 156], то есть на эти страны распространялась традиционная дипломатия. Например, вьетское государство Дайвьет пыталось утвердить себя как равного китайской империи. Чжоу Цюй-фэй критикует Давьет, он пишет, что «название этой страны не соответствует ее статусу, начиная с Ли Жи Цзуня (1054–1072 гг.) подделывают посмертные почетные имена своих предков, называя их Тай-цзу, Шэнь. Самовольно провозгласили название страны Даюэ» [1, с. 129]. Этим он показывает, что в Китае осознавали желание Давьета считать себя империей и вести себя с Сунами на равных. То есть эти страны должны были подчиняться «великой силе дэ» императора.

Итак, с одной стороны, империя придерживалась традиционных взглядов, в основе которых лежал принцип «китаецентризма», основанный на конфуцианских принципах, который определял центральной и единственной цивилизацией Вселенной «Срединное государство». Однако, мироустроительная модель международных отношений более не отвечала текущим политическим реалиям. Поэтому наряду с устоявшейся системой построения международных отношений, относительно некоторых стран возникает совсем иная практика дипломатических отношений, основанная на равенстве.

Библиографический список:

- Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / пер. с китайского, введ., коммент., и прил. М. Ю. Ульянова. М. 2001. 534 с.
宋史 (Сун ши). URL: <http://www.guoxue123.com/shibu/0101/00songs/484.htm> (дата обращения: 03.04.2019)

- Бокщанин А. А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М. 1976. С. 129–143.
- Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М. : Наука. 1986. 296 с.
- Гончаров С. Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск : Изд-во “Наука”. 2006. 382 с.
- Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая (VI век до н. э. – 80-ые годы XX века). М. : Наука. 1981. 340 с.
- Sverdrup-Thygeson B. A Neighbourless Empire? The Forgotten Diplomatic Tradition of Imperial China // The Hague Journal of Diplomacy. № 7. 2012. P. 245–267.

Топчиев М. С.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ КИТАЯ В ДИНАМИКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу истории становления и современного состояния православного ландшафта Китая. Он рассматривается как в диахронном, так и в синхронном аспектах. Проанализированы основные вехи его изменения, основные места локализации православных, храмовый ландшафт и этнокультурная специфика.

Ключевые слова: православие, конфессиональный ландшафт, храмовые комплексы, этнокультурная специфика.

Понятие конфессионального (религиозного) ландшафта уже более тридцати лет используется в научном дискурсе. Под конфессиональным (религиозным) ландшафтом понимается «религиозная ситуация, складывающаяся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующаяся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь людей, с которыми они пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и созданием соответствующих институтов» [1, с. 29]. Мы рассматриваем конфессиональный (религиозный) ландшафт не только как феномен, но и как процесс, в рамках которого происходит формирование религиозного, а возможно, и иного вида самосознания. Конфессиональный ландшафт той или иной страны представляет собой пространственно-временную характеристику существования, распространения и влияния, либо совокупности конфессий на описываемой территории, либо какой-то отдельной конфессии.

На территории Китая православие не является доминирующей религией даже среди христианских конфессий. Две национальные религиозные системы – конфуцианство и даосизм – параллельно с активно распространявшимся буддизмом представляют основной ландшафт Китая. Однако православие является частью общеконфессионального китайского ландшафта уже достаточно давно. Православный ландшафт формируется на территории Китая двумя путями: через переселение/эмиграцию русского населения в Китай и через обращение китайского населения в православие.

Пространственно в диахронном аспекте можно выделить несколько основных мест локализации, которые обозначались как скоплением определенного количества православных на данной территории, так и наличием молитвенных комплексов: храмов, часовен, арендуемых под молитвы помещений. Причем архитектурная составляющая ландшафта может быть как действующей – реально работающие храмы, так и «мертвой», представляющей собой «места памяти» – развалины, перепрофилированные здания и т.д.

Первым в диахронном аспекте пространством православного ландшафта является территория Пекина, где исторически была создана, а потом построена первая православная церковь в Китае в связи с появлением русских пленников из разрушенного китайскими войсками острога Албазин, на острове на р. Аргунь в 1685 г. Потомки албазинцев будут проживать в последствии и на территории Трехречья. [7, с. 77]. Император Кан Си сформировал из них особую императорскую роту, выделил землю и отдал им и сопровождавшему их священнику Максиму Леонтьеву для молитв ламаистский храм. В дальнейшем религиозный и культурный синкретизм будет характерен для некоторых элементов православного ландшафта Китая, как в прочем и для ландшафта других христианских конфессий. Потомки албазинцев проживают в Китае до сих пор и их основной визитной карточкой является не язык, который утрачен, а именно православие. Российская духовная миссия в Китае учреждена Петром I в 1712 г. [8, с. 165] на территории Пекина, и упразднена в 1954. И, несмотря на то, что православная локация Пекина никогда не была доминирующей в православном ландшафте Китая, системно она всегда была определяющей, за счет существования там миссии. В настоящее время здесь на территории бывшей миссии находится посольство РФ.

Второй диахронно и наиболее значимой в первой половине XX в. точкой распространения православия является г. Харбин (Манчжурия, в настоящее время провинции Хэйлунцзян). Харбин был основан русскими как железнодорожная станция в 1903, и сформировался как русский город на территории Манчжурии в связи